Запах праздника

Устало смотрит
прямая улица -
В будущее -
Тёмная лестница.
Красиво блестят
и светятся
Горы
металлоконструкций.

Только атланты
не понапрасну
Играют, ссутулившись,
мускулами.
И пахнет пачулями,
мускусом
Будущее
прекрасное.

В воздух
красиво
уходят мысли,
Фейерверком
взрываются
О грустном
и радостном.
И руки запахли
сладкою примесью
Мандариново-ананасовой.

В голову лезут
разные смыслы
Раскрывшись душистыми
ландышами,
И еле дыша,
Настоящее,
Рисует себя
заносчивой кистью.
Рот прикрывая
варежкой.
А отпустивший
троллейбуса вожжи,
Город уснул
как каторжный.
Погасшим окном
случайным прохожим
Дом подмигнул
на набережной.

Eirene

Никто не остудит мою воспалённую голову,
Те руки прохладные мысли дурные срезают
как серп.

Никто мне не скажет слова такого
доброго,
Простого и тёплого,
как домашний хлеб.

Никто так не будет скучать, никто у окна
В минуты волненья не сможет сдружиться с Луною.
Никто не пришлёт мне немного покоя
издалека,
Не скажет, как жить
неуёмному
по-другому.

Как бросило время свой цепкий безжалостный взгляд,
В него неприятно смотреть,
уж лучше и вовсе,
ослепнуть.
И ты выпиваешь, и я,
с его же подачи яд,
Чем дольше по венам течёт -
тем целебней.

Eirene, Eirene, мой детский задумчивый мир,
Моё обретённое счастье куда-то уходит.
Бунтующий сын всегда бунтовал
за двоих,
Бунтуя покинув родные угодья.

Ничто не заставит протечь ход вещей,
Немного иначе,
другими протопать тропами.
Ничто не заставит морщины не красить людей,
Немного иначе работать -
в обратную сторону.
Ничто не способно подобную грусть разогнать,

Руками маши,
расшиби ты хоть голову.
А после её положи на родную кровать -
Разлить всё вокруг
раскалённым оловом.

Никто так не знает,
никто так не знает меня,
Чтоб мне рассказать обо мне что-то новое.
Никто не умеет любить:
от вербы и до ремня,
От светлой улыбки до слова калёного.

Городской фронт

Бойцы - домой! Все с фронта ждут
вагоны.
Полки построены
в парадный ровный ряд -
Зубов неточенных -
в улыбке батальоны
На бастион толпы накинуться
хотят.

Полковник отставной от армии
свободен.
Свобода топчется на нём.
Мундир весь смят.
Он воевал в метро,
он прорывал кордоны.
И часовым не спал, пока другие
спят.

Был ранен трижды. В голову
и сердце.

Смеясь над лёгкими,
травил угарный газ.
За эти подвиги
был награждён надеждой,
Что луч надежды вовсе
не угас.

Ему топтали ноги гусеницы-
туфли
И близ ушей неслись
то пули, то слова..
Бредёт домой. В дом инвалидов.
Рухлядь,
А никакой уже не бравый,
не солдат.

Отечество не помнит,
не тревожит
своих сынов.
Домашний генерал -
Всё спит и видит сон,
где столько прожил.
Сегодня он своё
отвоевал!